

**О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ СОВМЕСТИМОСТИ НОРМ СТАТУТА
МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО СУДА С ПРАВОВЫМИ
СИСТЕМАМИ СОВРЕМЕННЫХ ГОСУДАРСТВ****О.Ф.ЭФЕНДИЕВ***Азербайджанский Государственный Экономический Университет
oktay001@rambler.ru*

Данная статья посвящена одному из актуальных вопросов современного международного права – формированию нового уголовного миропорядка. Рассматривается, в том числе, вопрос о соотношении положений Статута Международного уголовного суда с нормами современного азербайджанского уголовного законодательства, воздействия данных положений на правовую систему Азербайджанской Республики.

Новый уголовно-правовой миропорядок невозможен без последовательного соблюдения всеми государствами принципа неприменения сроков давности к военным преступлениям, независимо от времени их совершения. Этот принцип за три десятилетия превратился в общепризнанную норму современного международного права после закрепления в Конвенции 1968 г., о чем сказано в ст. 1. В ней указано, что «никакие сроки давности не применяются к следующим преступлениям, независимо от времени их совершения: а) военные преступления, б) преступления против человечества, изгнание в результате вооруженного нападения или оккупации и бесчеловечные действия, являющиеся следствием политики апартеида, а также преступление геноцида...» [4, 15-16].

В случае отсутствия соглашений по Конвенции, каждое государство, рассматривая обращение о выдаче, должно исходить из конкретного случая, в зависимости от полученной информации относительно лица, подлежащего выдаче, с учетом как характера отношений с запрашивающим государством, так и характера инкриминируемого деяния, масштабов его последствий и мотивов, а также других обстоятельств (фактов, данных), включая степень тяжести преступления, за которое преследуется данное лицо (индивид).

Определенный позитивный вклад в установление нового уголовного миропорядка, развитие современного международного уголовного права внесла Комиссия ООН по правам человека. Как один из существенных вкладов следует рассматривать проект принципов международного сотрудничества в отношении обнаружения, ареста, выдачи и наказания лиц, виновных в военных преступлениях и преступлениях против человечества, который был обсужден и одобрен, в частности, на ее 29-й сессии. В свою очередь, Генеральная Ассамблея ООН, рассмотрев и согласившись с этим проектом, в принятой резолюции 3074 (XXVIII) провозгласила соответствующие принципы такого сотрудни-

чества [8, 169-170] .

Так, согласно принципу III для пресечения и предотвращения рассматриваемых преступлений государства взяли на себя обязательство сотрудничать друг с другом и принимать с этой целью необходимые внутренние и международные меры. К внутренним мерам относятся создание специальных органов по расследованию такого рода преступлений и создание специальных судов по этой категории дел; международные меры предусматривают заключение межгосударственных двусторонних или многосторонних соглашений по вопросам сотрудничества в целях предотвращения и пресечения этих преступлений.

В соответствии с принципом IV государства будут оказывать друг другу содействие в целях обнаружения, ареста, привлечения к суду лиц, подозреваемых в совершении таких преступлений, и, если они будут признаны виновными, наказания их. Такое содействие и сотрудничество особенно важно, как подчеркивается в данной резолюции, в деле сбора информации и следственных материалов, способствующих привлечению к судебной ответственности военных преступников, а также обмена имеющейся информацией.

Как отмечается в принципе V, лица, в отношении которых имеются доказательства о совершении ими военных преступлений и преступлений против человечества, подлежат привлечению к судебной ответственности, и если будут признаны виновными, - наказанию, как правило, в тех странах, где они совершили эти преступления; в соответствии с этим государства обязуются осуществлять сотрудничество по выдаче таких лиц.

Согласно резолюции государствам запрещается предоставлять убежище военным преступникам и лицам, совершившим преступления против человечества. Государства также не должны принимать законодательные или иные меры, которые противоречили бы взятым на себя международным обязательствам; сотрудничество же в целях обнаружения, ареста, выдачи и наказания лиц, виновных в тяжких преступных деяниях, следует осуществлять на основе Устава ООН.

Большие надежды относительно справедливости и эффективности международного правосудия возлагает мировое сообщество на учрежденные международные уголовные трибуналы для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные, в частности, на территориях бывшей Югославии и в Руанде, которые должны судить не государства, а конкретных физических лиц, виновных в совершении международных преступлений.

Особенностями многих тяжких международных преступлений является то, что они, главным образом, совершаются не физическими лицами (индивидами), а теми, кто стоит за ними и занимает соответствующее официальное положение в государстве, действует от его имени и их организует. Поэтому вряд ли можно полагать, что правительство государства, виновного в международных преступлениях, пойдет на передачу в суд исполнителей (индивидов) его распоряжений или допустит вынесение им обвинительных приговоров. Таков один из принципиальных факторов в вопросе деятельности постоянного функционирования Международного уголовного суда.

Постановка вопроса о создании международного органа уголовного правосудия в принципе не отличалась особой новизной в доктрине международ-

ного права, а создание такого органа не предполагало, что государства лишаются юрисдикции судить своих граждан или других лиц, виновных в совершении преступлений против мира и безопасности человечества, тем не менее, когда международные преступления совершаются лицами (индивидами) от имени государства, большое значение имеет международное судебное разбирательство.

Вопрос о привлечении к уголовной ответственности физических лиц (индивидов) за военные преступления и другие преступления против человечества являлся одним из приоритетных как в выработке норм Статута Международного уголовного суда, так и в решении проблемы прогрессивного развития современного международного уголовного права, являющейся составным компонентом проблемы создания нового уголовного миропорядка.

Общеизвестно, что по конституциям новых суверенных государств их внешнеполитическая деятельность осуществляется на основе общепризнанных международно-правовых принципов и норм. Одним из них является принцип добросовестного соблюдения международных обязательств, возникший в форме международно-правового обычая («пакта сунт серванда») на ранней стадии развития государственности и нашедший в настоящее время отражение в многочисленных международных договорах. Кстати, в качестве общепризнанной нормы поведения субъектов данный принцип закреплен в Уставе ООН, в преамбуле которого подчеркивается решимость членов этой организации «создать условия, при которых могут соблюдаться справедливость и уважение к обязательствам, вытекающим из договоров и других источников международного права».

А это значит, среди прочего, что установление ответственности за совершение серьезных преступлений, в том числе военных и других, предусмотренных Римским Статутом (1998 г.), является международно-правовым обязательством каждого, включая любое постсоветское государство, в соответствии с другими международно-правовыми актами, которые вступили для них в юридическую силу.

Фактически Римский Статут отражает большинство положений ранее упомянутых конвенций, в которых содержатся различные понятия и к которым присоединились новые суверенные страны. Кроме того, положения и нормы Статута, запрещающие такие преступления, признаются обычной, общеобязательной международно-правовой нормой, что неоднократно подтверждали различные международные органы. Это также значит, что криминализация военных и иных серьезных преступлений, в соответствии с требованиями конституционных положений данных государств, не зависит от соблюдения ими положений этого Статута и его вступления в силу.

В практическом плане это свидетельствует, в частности, о том, что неприкосновенность, например, руководящих лиц государства хотя и связана с национальной безопасностью, однако это обстоятельство не может служить препятствием для осуществления Международным уголовным судом его юрисдикции, касающейся тех из них, кто совершил преступления, указанные в Статуте. Его положения полностью согласуются с международно-правовыми обязательствами современных государств, поскольку соответствующие конституционные положения должны толковаться в постоянной связи с положениями

Римского Статута.

Данный подход вполне закономерен, поскольку та же неприкосновенность определенной категории должностных лиц не является их привилегией, а связана с выполнением ими важных государственных функций, и поэтому, согласно конституции новых суверенных стран и их международно-правовыми обязательствам, такую неприкосновенность нельзя рассматривать в качестве гарантии безнаказанности этих лиц.

С юридической точки зрения, во-первых, неприкосновенность может определить лишь особые условия возбуждения против них уголовного преследования. Во-вторых, определенные должностные лица (президент, депутаты, судьи и др.), пользующиеся правом на неприкосновенность, могут нести уголовную ответственность по национальному законодательству с осуществлением внутригосударственных, национальных судебных механизмов, что само по себе также соответствует международно-правовым обязательствам государства. В-третьих, согласно, так называемому, принципу дополнительности, зафиксированному в ст. 17 Римского Статута, МУС не принимает на рассмотрение дела, если в отношении соответствующего лица после надлежащей судебной процедуры уже был вынесен приговор другим судом, в том числе национальным, за действия, запрещенные и наказуемые Статутом (ст. 20).

Следовательно, ст. 27 Статута (о недопустимости ссылки на должностное положение) согласуется с соответствующими конституционными положениями постсоветских стран [7, 225-233], а нормы п. 2 этой же статьи предусматривают, что иммунитеты и специальные нормы, которые могут быть связаны с должностным положением лица, согласно внутригосударственному и международному праву, не должны препятствовать осуществлению Международным уголовным судом его юрисдикции в отношении такого лица. В качестве примера можно сослаться на дело об обращении президента Украины в Конституционный Суд для получения заключения относительно соответствия Конституции Украины Римскому Статутому МУС, представляющее определённый научный и практический интерес.

Одним из важных с точки зрения практического применения норм положений Римского статута, высокого уровня его эффективности, является вопрос о его ратификации. Хотя Статут ратифицирован необходимым числом государств и уже вступил в юридическую силу, имеющую для них значение согласно предусмотренному порядку, однако должно пройти немало времени, чтобы МУС превратился в широко признанный и высоко авторитетный инструмент международного правосудия, который воплощал бы решения положить конец безнаказанности военным и другим серьезным преступлениям против человечества, тяжким нарушениям международного гуманитарного права.

Важным вкладом в процесс введения в юридическую силу Римского Статута является деятельность Венецианской комиссии (декабрь 2000 г.) и принятый ею Доклад «О конституционных вопросах, возникающих в связи с ратификацией Римского Статута Международного уголовного суда». Анализ его содержания позволяет отметить высокий уровень аргументации и толкования, на которые опирались соответствующие государства, решая проблемы ратификации Статута, которые, как видно, не носили ограничительного характера, а предлагались как рекомендации общего характера. Такой метод имел свою

особую цель, поскольку ратификация международно-правового документа, инструмента, механизма подобного рода сопряжена, как известно, с возникновением трудностей и проблемами, вытекающими из национального права, особенно на конституционном уровне, и прежде всего как следствие передачи суверенитета в результате такой ратификации. Это не случайный вопрос общего характера, так как он уже возникал, в частности, для европейских стран в рамках европейской интеграции и не только в связи со вступлением в Евросоюз, но и при ратификации ряда договоров, заключенных Советом Европы.

Так или иначе, государства суверенны при рассмотрении определенных решений для ратификации Римского Статута, несмотря на существование проблем на конституционном уровне. Они могут состоять, например, из таких мер, как включение новой статьи в Основной Закон государства, которая может решить все конституционные проблемы и снять необходимость вводить исключения для всех соответствующих статей, как это было сделано, например, во Франции и в Люксембурге. Другой мерой может быть систематический пересмотр всех статей Основного Закона, которые должны быть изменены с тем, чтобы соответствовать Статуту; введение и/или применение особой процедуры одобрения парламентом, вследствие чего Статут может быть ратифицирован, несмотря на то, что какие-то статьи противоречат конституции, что предусмотрено, например, Конституцией Нидерландов (п. 3, 91), и др.

Эти вопросы имеют большое значение для процесса формирования нового уголовного миропорядка и для развития национальных правовых систем по предотвращению военных и иных преступлений, подпадающих под юрисдикцию Международного уголовного суда.

Принципиальным также является и вопрос об обеспечении совместности положений Римского Статута с внутригосударственными, в данном случае уголовно-правовыми системами современных государств. На наш взгляд, высокий уровень такой совместности эффективно будет способствовать становлению прочной международно-правовой основы борьбы с военными преступлениями, соответствовать не только интересам мирового сообщества, но и согласуется с целями создания и укрепления нового уголовного правопорядка [5, 134-175]. Как верно отмечали многие юристы-международники, например Е.Греппи, Международный уголовный суд – принципиально новый орган международного правосудия, учреждение которого явилось огромным событием на пути устранения безнаказанности за военные и другие тяжкие международные преступления [13, 531-553].

Отмечая возможность обеспечения совместности положений Статута и национальных правовых систем, необходимо подчеркнуть, что этот Суд, осуществляющий правосудие от имени мирового сообщества, не подменяет, а дополняет данные системы, которые несут основную ответственность за преследование лиц, совершивших военные и другие тяжкие преступления.

В вопросе данной совместности принципиальное значение имеют не только проблемы ратификации Статута, но и цель этой процедуры – приспособить внутригосударственную правовую систему к его положениям. Как справедливо отмечает И.И.Лукашук, без значительной по своему объему имплементационной работы невозможно обеспечить надлежащие условия для осуществления сотрудничества с Судом, поскольку даже содержащаяся в конс-

титущиях подавляющего большинства государств норма о примате международного права не решает проблему коллизий Римского Статута и национального законодательства [6, 7].

Как известно, конституционные положения о преимущественной силе международных договоров в их связи с внутринациональными нормативно-правовыми актами содержатся во многих Основных законах, в том числе в п. 2 ст. 148 Конституции Азербайджана, указывающем, что международные договоры, стороной в которых является наше государство, являются неотъемлемой частью ее правовой системы. Но это вовсе не означает, что автоматически, во всех без исключения случаях, эти международные договоры могут оказывать прямое и/или непосредственное действие, а также и то, что такие договоры могут использоваться в правоприменительной практике Азербайджана.

Определенного уточнения требует трактовка и толкование положений ст. 151, согласно которой при возникновении противоречий (или коллизий) между нормативно-правовыми актами законодательной системы нашего государства и межгосударственными договорами, в которых оно участвует, применяются или преимущественную силу имеют международные договоры. Данное уточнение касается требования этой же статьи, исключающей из сферы своего действия саму Конституцию и акты, принятые путем референдума. Речь идет, таким образом, о возможной ситуации, когда международные договоры не могут иметь приоритетного значения над конституционными положениями.

В практическом плане, как не трудно догадаться, речь идет о способности ст. 151 решать определенные коллизионные вопросы, которые могут возникнуть между положениями и нормами конкретного международного договора и актами, входящими в национальную правовую систему Азербайджана. Естественно, речь идет не о всех международных договорах и соглашениях, а только о тех, которые могут быть непосредственно использованы во внутринациональных отношениях, с одной стороны, не требуя принятия особых мер для их использования во внутригосударственной правоприменительной практике.

Высказанные соображения согласуются с изложенными в современной азербайджанской доктрине международного права мнениями о приоритетности конституционных положений, в том числе и в случаях, когда это может иметь в качестве последствий нарушение каких-либо международно-правовых обязательств Азербайджана [2, 31; 3, 28; 1, 706-707; 10, 10].

Таким образом, может сложиться ситуация, когда государство, вопреки предписаниям ст. 88 Статута (об обеспечении наличия процедур, существующих в национальном праве для всех форм сотрудничества между государствами-участниками и Судом), не будет содействовать в обеспечении принятия соответствующих норм для достижения правовой совместимости положений Статута и норм внутригосударственного права. Государство, исходя из своей исключительной суверенной компетенции и собственных национальных интересов, решает, какие конкретно способы и средства устанавливать для реализации международно-правовых норм, а также вопросы о том, сделать или не делать возможным свое сотрудничество с Судом, выполнять или не выполнять собственные обязательства по Статуту, и др.

Кстати, такой подход совпадает с позицией Международного института международного права, в частности, утверждающего, что правовая система

каждого государства определяет наиболее приемлемые средства обеспечения применения международного права на национальном уровне [12, 319]. Так что реализация не только международно-правовых норм и положений, но и самого Римского Статута, как видно, - весьма трудоемкий и сложный процесс, нежели его принятие, поскольку только он сам избирает приемлемые для этого правовые способы и средства инкорпорации.

С другой стороны, это совсем не значит, что нет приемлемых возможностей взаимодействия между нормами и положениями современного международного права и внутригосударственной правовой системой, в том числе и для создания соответствующих условий для реализации функций Международного уголовного суда. Важен и вопрос о принятии соответствующих мер правового, организационного, материального и процессуального характера на внутригосударственном уровне, которые способствовали бы эффективному сотрудничеству с этим Судом, и играли бы решающую роль в вопросе о совместимости положений Статута с внутринациональной нормативно-правовой системой современных государств.

Существенное значение в этой ситуации приобретает вопрос о преодолении ряда определенных трудностей, с которыми может столкнуться любое ратифицировавшее Римский Статут государство, могущее, в конечном счете, повлиять на проблему данной совместимости. Речь идет, к примеру, о коллизиях, которые могут вызвать различную правоприменительную практику, в частности, в вопросе об экстрадиции собственных граждан государства, совершивших серьезные преступления против человечества; об иммунитетах должностных лиц; об осуществлении права на помилование, об условиях и возможностях этой меры; других процессуальных требованиях национального права, и др.

Азербайджанское государство, как и многие страны, не ратифицировавшие Римский Статут, тем не менее, придает большое значение его положениям, поскольку они достаточно актуальны и играют существенную роль для национального уголовного законодательства. Такая позиция и подходы нашли свое конкретное воплощение в законодательной практике Азербайджана и проявились, в частности, в использовании соответствующих положений Статута, других авторитетных международных конвенций в национальном праве.

Наряду с этим, следует отметить, что положения статей о военных преступлениях (114-119) не нуждаются в какой-либо особой трактовке, толковании или дополнениях, так как состав этих преступлений не только совпадает в целом с приведенным в Статуте перечнем, но, более того, в определенной степени его расширяет. Примечательно и то, что УК Аз. Р. криминализирует деяния, не вошедшие в Статут в качестве военных преступлений, что относится, например, к некоторым подпунктам (2, 4) ст. 116 (об умышленном причинении широкомасштабного, долгосрочного и серьезного ущерба окружающей среде; использование голода среди гражданского населения как средства ведения военных операций и др.).

Как видно, современное азербайджанское уголовное законодательство, учитывая требования Женевских конвенций и Дополнительных протоколов к ним, идет по пути усиления ответственности за военные преступления, что нашло свое соответствующее отражение и закрепление в Разделе VII УК Аз. Р. Попутно можно отметить, что такой подход отечественного законодательства

согласуется с подходами не только самого Римского Статута, но и уставов международных уголовных трибуналов (по бывшей Югославии и Руанде), например, в части, касающейся компетенции по рассмотрению дел о тяжких преступлениях, которые могли произойти в период вооруженных конфликтов (немеждународного характера).

Так или иначе, криминализирував данные противоправные деяния, азербайджанское законодательство ушло и проблему пресечения военных преступлений, в том числе по отношению к универсальной юрисдикции, неприменения сроков давности и др. Предусмотрена также соответствующая ответственность по этой категории преступлений, могущих быть совершенными в период (внутреннего) вооруженного конфликта тогда, когда они; 1) направлены против гражданского населения, раненых и других лиц в нарушение ст. 8 Женевской конвенции, и состоящих, например, из убийств, различных форм насилия, пыток, жестокого и бесчеловечного обращения, взятия в заложники и т.д.; 2) совершенные в нарушение Дополнительного протокола (II) о нападении на гражданское население, нападении на персонал, имущество, сооружения и транспортные средства с эмблемами Красного креста и Красного полумесяца (МККК), изнасилования; 3) нападение без военной надобности на объекты, не являющиеся военными целями, в том числе особо охраняемые исторические, религиозные, научные, благотворительные, образовательные и медицинские объекты, или места расположения больных и раненных и др.

Важным и воздействующим фактором на совместимость положений, норм Римского Статута с положениями, нормами национального законодательства современных государств является содержание его ст. 124, которая, как представляется, создает для военных преступлений несколько иной правовой режим, нежели тот, который предусмотрен для других преступлений, подпадающих под юрисдикцию Международного уголовного суда. В данном случае вряд ли можно согласиться с мнением М.-К. Робержа, считающего, что военные преступления являются не столь серьезными преступлениями, как другие деяния, упомянутые в Статуте [9, 135].

На наш взгляд, военные преступления являются одной и достаточно опасной и тяжелой разновидностью преступлений, которые могут быть квалифицированы в качестве отдельной категории преступлений против человечества. А потому, как справедливо отмечают некоторые авторы, непризнание юрисдикции в отношении таких преступлений со ссылкой на ст.124 Римского Статута не означает, что лица, виновные в их совершении, останутся безнаказанными [11, 20].

Параллельно, с решением вопросов о совместимости Статута с отечественным законодательством современных государств должен также решаться вопрос о наращивании эффективного их сотрудничества в интересах создания нового мирового правопорядка, среди которых вопрос о неотвратимости ответственности за наказание лиц, виновных в совершении военных и других тяжких преступлений должен быть одним из приоритетных. С другой стороны, в этом процессе велика роль не только самого Международного уголовного суда и положений Римского Статута, но и национальных правовых систем, особенно в вопросах борьбы с предотвращением и безнаказанностью такого рода серьезных правонарушений, каковыми являются военные преступления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алиев Ш. Научно-практический комментарий к Конституции Азербайджанской Республики. Баку: Юридическая литература, 2000, 742 с.
2. Гусейнов Л.Г. Конституция Азербайджанской Республики, права человека и международное право // Международное право. Баку: № 1. 1998.
3. Гусейнов Л.Г. Международная ответственность государств за нарушения прав человека. К.: Институт государства и права им. В.М. Корецкого НАН Украины, 2000, 320 с.
4. Действующее международное право в 3-х томах. Т. III. М.: МНИМП, 1997, 803 с.
5. Костенко Н.И. Международная уголовная юстиция. Проблемы развития. М.: РКонсульт. 2002 (о военных и иных тяжких преступлениях, подпадающих по юрисдикцию Международного уголовного суда) и др.
6. Лукашук И.И. Конституции государств и международное право. М.: Наука, 1998, с. 223 с.
7. Международное право // Факультет международного права и международных отношений. ТГУ им. Джавахишвили. № 1. Тбилиси: Т. Г. У. 2002 (спец. выпуск)
8. Права человека: Сборник международных договоров. Н.-Й.: ООН, 1989; 8 Международное право. Факультет международного права и международных отношений. ТГУ им. Джавахишвили. № 1. Тбилиси, (спец. выпуск). 2002.
9. Роберж М.-К. Новый Международный уголовный суд: предварительная оценка // Московский журнал международного права. 1999. Спец. выпуск.
10. Сафаров Н. Проблемы обеспечения совместимости Римского Статута Международного уголовного суда. Баку: Юрид. литература, 2002, 483 с.
11. Шабас У. Международный уголовный суд: исторический шаг в деле борьбы с безнаказанностью // Московский журнал международного права. № 4. 1999.
12. Anuaire de l' Institute de Droit International. Vol. 65 (II). 1994.
13. Greppi E. The Evolution of Individual Criminal Responsibility under International Law // International Review of the Red Cross. No/ 835, 1999.

MÜASİR DÖVLƏTLƏRDƏ BEYNƏLXALQ CİNAYƏT MƏHKƏMƏSİNİN STATUT NORMALARI İLƏ HÜQUQ SİSTEMLƏRİNİN BƏZİ MƏSƏLƏLƏRİ HAQQINDA

O.F.ƏFƏNDİYEV

XÜLASƏ

Məqalə müasir dövlətlərin hüquq sistemlərinin inkişafının aktual məsələlərinə (yeni cinayət qaydalarının formalaşması aspektində) həsr olunmuşdur. Eyni zamanda Beynəlxalq cinayət məhkəməsinin (1998-ci il) Statut normalarının Azərbaycan Respublikası cinayət qanunvericiliyi və hüquq sisteminin inkişafına təsiri və əlaqəsinə baxılır.

SOME PROBLEMS OF THE CONFORMITY OF NORMS OF THE STATUT OF INTERNATIONAL CRIMINAL COURT WITH THE JURIDICAL SYSTEMS OF THE MODERN STATES

O.F.AFANDIYEV

SUMMARY

The present article has been dedicated to one of the important problems of contemporary International Law having practical value – the conformity of norms of the Statut of International Criminal Court (1998) with the juridical systems of the modern States. The author elucidates the questions of correlation and influence of the Statut's norms on the development of the juridical systems and the criminal legislation of the Azerbaijan Republic.